

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ СПАД

КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ АРЬЕ ХИЛЛМАНА “В ПУТИ К ЗЕМЛЕ

ОБЕТОВАННОЙ”¹

В.М. Полтерович
(Москва)

1. Введение

Результаты десятилетия реформ трудно охарактеризовать иначе, как одну из самых крупных экономических катастроф двадцатого века. За десять лет 28 реформирующихся стран Восточной Европы и бывших республик Советского Союза потеряли в сумме около 30% своего ВВП, лишь 3 или 4 страны вернулись к дореформенному уровню выпуска в конце десятилетнего периода. Российский ВВП составлял в 2000 г. 65% от уровня 1991 г., а украинский – и того меньше (Economic Survey of Europe, 2001)).

Экономическая наука потерпела наиболее крупное поражение за весь период ее существования. Никогда еще предсказания “большинства” экономических экспертов не были столь далеки от реальности. Вопреки их ожиданиям, либерализация цен и стандартные антиинфляционные меры привели к кризисам неплатежей и бартеризации экономики, приватизированные предприятия оказались еще менее эффективными, нежели государственные, а реформы в целом породили беспрецедентный рост теневых операций и криминальной активности.

Опыт одновременного реформирования почти трех десятков стран стимулировал поток исследований, приведший к существенным изменениям в экономической теории, к радикальному пересмотру господствующих взглядов. К этой теме обратились ведущие западные специалисты в различных областях экономики, никогда ранее не занимавшиеся советологией (Blanchard (1997), Стиглиц(1998)). К их числу принадлежит и профессор Хиллман, известный экономист, автор многочисленных работ по теориям международной торговли и присвоения ренты, один из лидеров новой политической экономии, главный редактор уважаемого “Европейского журнала политической экономии”.

Его статья (Хиллман, 2002) написана в публицистическом стиле, несколько необычном для профессионала, предпочитающего опираться на современную технику экономического исследования. Тем не менее, она производит яркое впечатление и развивает важные идеи.

Центральный вопрос статьи: “Почему при переходе к рынку наблюдался экономический спад?”. Краткий ответ на него таков: “Если попытаться одним словом определить причину провала, то этим словом будет “политическая культура”. В основе политической культуры- нормы поведения элиты, которые заключаются в стремлении последней обогатиться, используя свое привилегированное положение” (Хиллман, 2002, с.). Объясняя механизм влияния политической культуры на спад, автор ссылается на модель, разработанную им совместно с Г. Урспрунгом (Hillman, Ursprung (1998)). Согласно этой модели до трансформации все население делилось на избранных (“инсайдеров”) и всех остальных (“аутсайдеров”). Инсайдеры обладали полнотой политической власти и присваивали львиную долю налогов, собираемых с аутсайдеров. Лишь незначительная часть их возвращалась аутсайдерам для поддержания минимальной популярности режима. Если инсайдер уходил на пенсию или умирал, то аутсайдеры начинали борьбу за освободившуюся привилегированную позицию, отвлекая часть ресурсов от процесса производства. Трансформация авторитарного режима описывается в модели как “...изменение поведения инсайдеров, которые начинают объединяться в обособленные конкурирующие между собой группы”. В условиях демократии правительство, чтобы устоять, вынуждено максимизировать популярность, отвлекая больше ресурсов в пользу элиты. Статус инсайдера увеличивается, поэтому и аутсайдеры увеличивают вложения в борьбу за привилегии. В результате объем общественных издержек присвоения ренты возрастает. Более того, он продолжает расти с углублением политической либерализации, когда различия между инсайдерами и аутсайдерами стираются и последние включаются в политический процесс. Источник потерь – поведение правительства и элиты, рассматривающих политическую и административную власть как средство обогащения. Это поведение проистекает из господствующей политической культуры. “Если бы

¹ См. статью в настоящем номере.

власть обеспечивала приоритет закона для защиты прав собственности, а не ставила во главу угла свои собственные интересы (неограниченный контроль за распределением), стимулов для борьбы за ренту не было”. Для того, чтобы “разноплеменный люд”, вышедший из Египта во втором тысячелетии до нашей эры, воспринял идею главенства Закона и достиг Земли Обетованной, потребовалось сорок лет блужданий по пустыне под руководством Моисея. Десять лет реформ – явно недостаточный срок для изменения политической культуры, сложившейся в советскую эпоху. А Всемирный банк, “...сыгравший основную роль в институциональной перестройке в постсоциалистических странах в процессе их перехода к рыночной экономике...”, не сумел выполнить миссию Моисея. Таковы основные выводы А. Хиллмана.

Модель А. Хиллмана и Г. Урспрунга демонстрирует, что политическая демократия может быть еще менее эффективна, чем авторитарное правление. Используемая методология, будучи основана на сравнении потерь от присвоения ренты, отнюдь не тривиальна, а сам факт находит косвенное подтверждение в эконометрических исследованиях. Но автор претендует на объяснение не столько причин неэффективности демократии, сколько механизмов трансформационного спада. Этой цели должна служить трехслойная конструкция статьи, включающая описание модели, ссылки на культурное наследие советской эпохи и метафорическое сопоставление широкомасштабных реформ и исхода из Египта. Однако демократизация – это лишь один из процессов трансформации, сопровождавший переход к рынку. В статье нет аргументов, подтверждающих, что именно он явился главной причиной спада. Это не претензия к модели, которая неизбежно является упрощенной, а лишь констатация чрезмерной общности выводов, сделанных автором на ее основе.

Далее, осознание элитой необходимости ограничить политическое влияние на распределение благ в обществе - необходимый, но отнюдь не единственный элемент политической (гражданской) культуры в эффективной экономике. Другие элементы, если и упомянуты в статье, то вскользь, а механизмы их воздействия не обсуждаются. Наконец, аналогия с исходом из Египта явно “хромает” ибо в ней есть аналог политической культуры (приверженность религии Моисея), но нет аналога спада. За десять лет культурное наследие

прошлого не могло быть изжито, но ведь трансформационный спад прекратился! Объяснение, не учитывающее это обстоятельство, нельзя считать вполне убедительным. Далее, издержки реформ в Кыргызстане были заметно выше, чем в Узбекистане (Фридман, 2001 с. 89-90). Значит ли это, что политическая культура в Узбекистана выше, чем в Киргизии?

2. Факторы трансформационного спада

Чтобы понять роль политической культуры, необходимо рассматривать ее наряду и во взаимодействии с другими причинами трансформационного спада. Их перечень достаточно длинен и их общепринятое ранжирование отсутствует. Некоторые авторы указывают на ошибки макроэкономической политики, другие подчеркивают недостатки институционального строительства и низкое “качество институтов”, третьи акцентируют роль начальных условий (см. обзор разных точек зрения и ссылки на источники в работах Kornai (1994), Полтерович (1996), Heybey, Murrel (1999), Olson, Sarna, Swamy (2000), Popov (2000), Roland (2000), Aron (2000)). Ниже мы вкратце изложим концепцию, развитую в статьях Полтерович (1999, 2001a, b), и в дальнейшем будем на нее опираться.

Издержки трансформации и, следовательно, трансформационный спад можно рассматривать как результат трех процессов, за каждым из которых стоит большая группа причин:

1. дезорганизации;
2. институционального строительства;
3. активизации перераспределительных процессов (в ущерб производственной деятельности).

Дезорганизация была обусловлена распадом связей между странами СЭВ, республиками бывшего СССР и регионами России; нарушением взаимодействия в производственных цепочках в процессах становления частного сектора и изменения межотраслевых и межсекторных (натуральных и ценовых) пропорций; трансформацией норм поведения и необходимостью адаптации к новым условиям.

Колоссальных расходов требовало создание новых институтов- частных корпораций, банковской системы, рынка валюты и ценных бумаг, налоговой службы и т.п.

Активизация перераспределительных процессов включает в себя интенсификацию борьбы за приоритетные позиции (поиска ренты), расширение масштабов теневой деятельности, лоббирования и коррупции, рост преступности, увеличение издержек экономической и политической конкуренции (реклама, ценовые войны, пиар)². Иногда все эти явления обозначают термином «поиск ренты», используя его в расширительном толковании.

Величина трансформационных издержек в трех указанных процессах определялась начальными условиями, стратегией институционального строительства, макроэкономической, социальной и промышленной политикой.

К начальным условиям следует отнести переменные пяти типов:

а) социо-культурные характеристики, такие как степень взаимного доверия, уважение к частной собственности, закону и власти, толерантность отношения к богатым и иностранцам, и т. п. (социальный капитал);

б) “качество институтов” (эффективность принуждения к исполнению законов, уровень преступности, стабильность законодательства);

в) степень близости исходных институтов к “рыночным” (доля частного сектора и свободных цен, степень развития банковской системы, и т.п.);

г) близость структуры выпуска и цен к равновесным значениям (“степень неравновесия в экономике”);

д) структура внешней торговли (влияние распада СЭВ и СССР на экономику страны).

Отметим, что все перечисленные характеристики относительно независимы. Так, Узбекистан, служит примером системы, где патерналистская традиция сочеталась с относительно высоким «качеством институтов» (в нашем узком понимании этого термина). В 1990 г. экономические институты Чехии были

² Согласно Мансуру Олсону (Олсон (1998)) увеличение числа и влияния перераспределительных коалиций – важнейшая причина «упадка народов». Тот факт, что процессы присвоения ренты явились одной из важнейших причин трансформационного спада, подчеркивался рядом авторов (см., в частности, Ослунд, 1996; Shleifer, 1997; Stiglitz (1998))

весьма далеки от рыночных при высоком уровне гражданской культуры и низкой степени неравновесия.

Как видно из этого перечня, гражданская культура – лишь один из факторов спада. Ее влияние на процессы перераспределения зависело от степени неравновесия, стратегии институционального строительства и экономической политики, которые определяли объем высвобождавшейся переходной ренты. Государство могло подавить перераспределительные процессы, предприняв специальные усилия для ее изъятия при использовании более рациональной технологии трансплантации западных институтов рынка (Полтерович, 2001а).

Так, либерализация внутренних цен создает перераспределительные возможности для фирм- посредников вследствие высоких разниц между ценами продавца и покупателя и возникновения арбитража. Ограничив рост зарплат, например, введением специального налога (как это было в Польше в 1989-1990 гг.), государство может уменьшить стимулы к перераспределению.

Активизация перераспределительной деятельности неизбежна, если либерализация внешней торговли проводится при высокой степени неравновесия внутреннего рынка. В 1992 г. внутрироссийские цены на нефть, топливо, цветные металлы были в десятки, а иногда и в сотни раз ниже мировых. В такой ситуации либерализация явилась сигналом к сражению за доступ на внешний рынок, а вложения в производство потеряли всякий смысл.

Издержки трансформации в России могли бы быть гораздо меньше, если бы приватизация крупных предприятий была осуществлена через 3-4 года после либерализации цен (как это было в Польше), а нефтяная и газовая отрасли оставались бы государственными еще 10-15 лет. Узбекское правительство, в отличие от российского, позаботилось об изъятии ренты в процессе реформ (Фридман, 2001). Это соответствует выводу Хиллмана о том, что демократизация может вести к спаду. Но вряд ли это – следствие более высокой политической культуры узбекской элиты. Приходится предположить, что «качество институтов» (в узком понимании этого термина) - фактор, относительно независимый от политической культуры.

3. Влияние гражданской культуры на реформы³

Гражданская культура (социальный капитал) проявляется не только в политической борьбе за власть. Она оказывает влияние на все процессы становления рыночной экономики.

Система патерналистских отношений между гражданами и государством, унаследованная от советского периода, имела целый ряд важнейших следствий.

Реформа проводилась президентом и рассматривалась не как призыв к предпринимательской и социальной активности, а как обещание, что абстрактные рыночные силы обеспечат рост благосостояния. Такова была идеология правительства, таковы были ожидания масс. Большинство не было готово к действию, а лишь к пассивному ожиданию благ в результате правительственных решений, несмотря на заявления правительства, что оно уменьшает уровень вмешательства в экономику. Когда патерналистские ожидания не реализовались, требования усилить роль государства стали доминирующими.

Патерналистские отношения, сложившиеся в СССР, носили парадоксальный характер. Ожидание благ от государства сочеталось с глубоким недоверием к государственным органам, систематически нарушавшим свои обязательства. Недоверие усугублялось многочисленными практически невыполнимыми предписаниями, поступавшими сверху. В результате укоренилась «привычка к нарушению закона», девиационное поведение стало рутиной. В теневую деятельность – на том или ином уровне – было втянуто большинство населения. На фоне пассивности масс выделялись две социальные группы – политически активная интеллигенция и теневые структуры. Ослабление государственного контроля привело к частичной легализации последних, а масштабное высвобождение ренты создало невиданные ранее возможности для активизации перераспределительной деятельности. Принятый план реформ не мог быть успешно реализован даже безукоризненно честным правительством, так как он не учитывал особенности массовой культуры.

³ Изложение этого раздела опирается на работу Polterovich (2000)

Пассивность и манипулируемость масс накладывают отпечаток на культурные характеристики правящей элиты, прежде всего, к нежеланию и неумению искать компромиссные решения. Отсюда - к экстремизму, пренебрежению социальной и промышленной политикой как инструментами компенсации потерь тем, кто проигрывает от реформ. Конфликтный стиль управления порождает сопротивление реформам, увеличивает трансформационные издержки.

Советское государство, делегируя часть своих социальных функций на уровень предприятия, способствовало формированию рабочего коллективизма, представления о том, что фактическим собственником предприятия является трудовой коллектив. Этот культурный феномен существенно повлиял на результаты приватизации в России, а попытки игнорировать его при формировании схемы массовой приватизации, привели к дополнительным издержкам, замедлили процесс реструктуризации предприятий (Полтерович 1993, 1999).

Фиксируемый в опросах низкий уровень доверия граждан России друг другу, оказывает непосредственное влияние на структуры управления, порождая необходимость дополнительных контрольных звеньев. В частности, разделение функций собственника и управляющего оказывается слишком рискованным. В компаниях приходится вводить специальный институт «кураторов менеджмента», который, дублируя управленческую структуру верхнего уровня, обеспечивал бы работу менеджеров в интересах собственника (Константинов, Липсиц, Филонович, 2002).

4. Почему прекратился спад?

Спад прекратился «всего лишь» за семь лет- срок, явно недостаточный для коренного изменения гражданской культуры. Однако экстраординарные источники переходной ренты, в основном⁴, исчерпались: структура цен существенно приблизилась к равновесной, процессы организации новых рынков и других институтов, в основном, завершены. Разрушенные связи

⁴ Некоторые источники не исчерпаны и до сих пор стимулируют перераспределительные процессы: сохраняются существенные различия между внутренними и мировыми ценами на энергетические ресурсы, продолжается приватизация государственных предприятий, и т.п.

восстановлены или заменены новыми. Сформировалась новая элита, заинтересованная в сохранении нажитого богатства, а значит, в стабильности и законности. Естественное затухание трех процессов, породивших спад, - дезорганизации, институционального строительства, активной перераспределительной деятельности - создает предпосылки экономического роста.

Разумеется, гражданская культура продолжает оказывать влияние на темпы роста. Это особенно сказывается при смене политической власти. Новый лидер, стремясь упрочить свое положение, сменяет широкий круг управляющих. Обновление элиты неизбежно влечет за собой активизацию процессов перераспределения и, следовательно, увеличение потерь. К аналогичным последствиям приводят попытки ускорить институциональное развитие без учета особенностей гражданской культуры. Однако масштаб этих процессов уже совершенно иной.

5. Что дальше - стагнация или рост?

Затухание процессов, породивших спад, создает предпосылки экономического роста, но отнюдь не исключает и возможности длительной стагнации. На мой взгляд, в России 2002 г. решающим является один из культурных факторов: отсутствие доверия граждан к государственным институтам, рыночным структурам и друг к другу⁵.

В опросе ВЦИОМ 1989 г. 42 % респондентов указали, что они имеют «много близких, надежных друзей». В 1999 г. этот ответ выбрали всего 13%. При этом 74% заявили, что они могут вполне доверять лишь 2-3 близким людям (Левада, 2000, с. 26). Видимо, рост недоверия на персональном уровне не унаследован, а связан с трудностями адаптации к новым условиям.

Вот как соотносились «индексы доверия» к представителям разных профессий в России 1993 г. (Таблица 1).

⁵ Значение этого фактора в развитии российского кризиса 1998 г. подчеркивается в работе Г.Б. Клейнера (Клейнер, 1999). Данные опросов, подтверждающих низкий (по сравнению со странами Восточной Европы) уровень доверия граждан России к политическим и экономическим институтам и партнерам, обсуждаются в работе Polterovich (2000).

Таблица 1. Доверяете ли Вы людям следующих профессий? (Соотношение ответивших «Да» и «Нет»)

№.	Профессия	да/нет
1	Ученый	19,0
2	Священнослужитель	9,5
3	Врач	4,7
4	Военный	2,3
5	Предприниматель	1,2
6	Судья	0,5
7	Милиционер	0,2
8	Гос. служащий	0,2
9	Политик	0,07

Источник: Гудков, (2000), стр.31. Опрос 1993 г.

Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ в марте 2001 г., лишь 9% респондентов «полностью доверяют» парламенту и 33% -армии. В США уровень «полного доверия» парламенту составляет 32%, а армии- 63% (Левада, 2001). Уровень доверия россиян прокуратуре, суду, милиции остается низким. Так, в мае 2001 г. 12% респондентов ответили, что милиция «вполне заслуживает доверия», 38% -что «совсем не заслуживает» и 36%- «не вполне заслуживает». Для прокуратуры процент ответов составил 11, 30 и 32, соответственно. Приход к власти В.В. Путина в 2000 г. резко изменил уровень доверия к Президенту, но практически не повлиял на уровни доверия к социальным и политическим институтам (Общественное мнение, 2001, с. 25).

Граждане не доверяют заявлениям правительства о стабильности рубля и хранят большую часть своих сбережений в долларах, несмотря на формальную убыточность этой стратегии. Поэтому кредитные ресурсы банков незначительны. Но даже и они используются на инвестиции далеко не полностью, поскольку банки не доверяют предприятиям как потенциальным должникам. Не доверяя милиции, граждане отказываются сотрудничать с ней. Это затрудняет обнаружение и расследование преступлений, препятствует наказанию рэкетиров и мздоимцев. Деловые партнеры не доверяют друг другу и потому несут дополнительные издержки по обеспечению соглашений (Радаев,

1998). Собственники не доверяют менеджерам и, как отмечалось выше, вынуждены создавать специальные структуры контроля за нанятыми управляющими. Президент не доверяет правительству, а потому его администрация осуществляет постоянный мониторинг правительственных структур. Россияне не доверяют иностранцам в большей мере, чем жители других стран, а иностранцы, естественно, испытывают недоверие к россиянам как партнерам по бизнесу. Всеобщее недоверие препятствует росту, как отечественных, так и внешних инвестиций, увеличивает транзакционные издержки предпринимательской деятельности, тормозит экономический рост.

Наряду с низким уровнем доверия, и другие культурные факторы, упоминавшиеся выше, продолжают оказывать влияние на ход реформ.

Патерналистские ожидания сильны и в странах Восточной Европы, но в России они проявляются более отчетливо. Согласно опросу, описанному в Хаарленд, Ниессен (1999, с.17), около 60% респондентов в Польше, Чехии и Венгрии были согласны с тем, что «сейчас сильное правительство важнее демократии». В России доля поддерживающих этот тезис составляла 76%.

Согласно результатам опросов, проводимых ВЦИОМ (Перова, 2001), доля предприятий с избыточной рабочей силой в 1999–2001 гг. упала до 20-30% (по сравнению с 43% в 1998 г.), оставаясь все же весьма значительной⁶. При этом в ряду причин сохранения избыточных работников в 2001 г. чаще всего упоминался совсем не рыночный мотив - стремление сохранить трудовой коллектив (68 % опрошенных). Близкий мотив- «социальная ответственность директора предприятия»- был доминирующим и в опросах РЭБ 1995-1999гг. В этой последней формулировке его патерналистская природа выявляется более отчетливо (Аукуционек, 1998, с. 62-63; Капелюшников, 2001, с. 217).

При опросе, проведенном в марте 1999 г., 56% респондентов заявили, что «выносить что-либо с предприятия “недопустимо” или “крайне предосудительно”. Но 31 % посчитали, что это “отчасти предосудительно” , а 22% ответили, что в этом нет “ничего предосудительного” (Левада, 2000).

Привычка к нарушению правил, толерантное отношение к нарушителям, нежелание сотрудничать с властью в пресечении нарушений проявляются на всех уровнях социальной жизни. В нашем опросе 1998-2000 гг. (Magnus,

⁶ В 1995-1996 гг. она составляла около 60% (Аукуционек, 1998, с. 62).

Polterovich, Danilov, Savvateev, 2001) мы просили студентов оценить следующую ситуацию. «Студент С сообщил в учебную часть, что студент А списал экзамен у студента В с разрешения последнего». Респондентам предлагалось охарактеризовать свое отношение к А, В и С, исходя из пятибалльной шкалы: строго отрицательное (-2), отрицательное (-1), нейтральное (0), положительное (1), строго положительное (2). Были опрошены 112 американских студентов, 247 голландских и 506 российских. Результаты представлены в Таблице 2.

Как следует из Таблицы, российские студенты толерантны к списыванию, положительно относятся к тем, кто «дает списать», и ненавидят «доносчиков». Американцы, напротив, резко осуждают и тех, кто списывает, и их пособников, и почти нейтральны к С. Фактически, многие из них поддерживают сотрудничество с администрацией в предотвращении списывания.

Таблица 2. Отношение к списыванию (средние оценки)

	А (списал у В)	В (дал списать)	С (сообщил)
Россия	-0.21	0.54	- 1.73
Нидерланды	-0.83	-0.05	-1.36
США	- 1.35	-0.88	-0.25

Источник: Magnus, Polterovich, Danilov, Savvateev (2001).

Социальная пассивность остается характерной чертой россиян. Это, в частности, проявляется в отсутствии интереса к политике.

Таблица 3. В какой мере Вы интересуетесь политикой? (%)

	Значительный интерес	Средний интерес	Незначитель- ный интерес	Нет интереса
1994	9	28	34	28

1999	13	33	29	25
------	----	----	----	----

Источник: Зоркая, 1999, с. 15.

Эти цифры полезно сопоставить с аналогичными данными по Западной Германии (Табл. 4). Суммируя данные первых двух столбцов по России 1999 г., получим, что 46 % опрошенных интересовались политикой.

Таблица 4. Интерес к политике в Германии, 1952-77, %

	1952	1959	1962	1969	1973	1977
Да	27	29	37	45	49	50
Не особенно (Not especially)	41	36	39	42	34	41
Нет	32	35	24	13	17	9

Источник: Conradt. 1989, p.239.

Предположим, что к этой категории относится половина немцев, ответивших «не особенно». Тогда показатель в 47% характерен для Германии 1952-1959 гг. В дальнейшем он увеличивался и достиг более 70% в 1977 г.⁷

Аналогичная динамика характерна и для уровня доверия.

В послевоенной Западной Германии уровень доверия был весьма низок. Этот показатель рос, по крайней мере, в течение 28 лет (Таблица 4).

Таблица 5. Можно ли доверять большинству людей? (Германия, процент ответов «да»)

1948	1959	1967	1973	1976
9	19	26	32	39

Source: Conradt. 1989, p.254

⁷ Для Польши, Чехии, Венгрии также характерен более высокий, чем в России, уровень интереса к политике.

Значит ли это, что россиянам потребуется еще тридцать лет «блуждать по пустыне», совершенствуя гражданскую культуру, прежде чем Россия выйдет на траекторию стабильного экономического роста? Быть может и так, но есть основание надеяться на лучший вариант. Исследования показывают, что, как это ни парадоксально звучит, важнейшим фактором роста является рост (Polterovich , 2001; Балацкий, 2002). Иными словами, появление возможностей для эффективных вложений в производство может переломить ситуацию, вывести систему из «ловушки недоверия». После того как первая группа инвесторов обнаружит, что инвестировать в производство выгоднее, чем в перераспределение ренты, может возникнуть лавинообразный процесс, когда новые и новые когорты предпринимателей, учитывая положительный опыт предшественников, предпочтут легальную деятельность теневой, производственную активность – перераспределительной. «Спусковыми механизмами» могут послужить достаточно крупные технологические или институциональные инновации - совершенствование налогообложения, технические открытия, продуманная государственная промышленная политика. К сожалению, здесь нет однозначных рецептов, а лишь надежда, что усилия увенчаются успехом раньше, чем вымрет наше поколение, начавшее путешествие по пустыне.

6. Заключение

В данной заметке я старался продемонстрировать, что концепцию, предложенную профессором Хиллманом для объяснения трансформационного спада, целесообразно уточнить, по крайней мере, в трех отношениях. Во-первых, борьба за политическую власть - лишь один из каналов влияния гражданской культуры на процессы перехода к рынку, анализ этого влияния следует распространить на многие другие аспекты институциональной трансформации: реструктуризацию предприятий, корпоративное управление, социальную политику, и т.п.. Уверен, что профессор Хиллман согласится с этим тезисом. В его статье имеются ссылки и на патернализм, и на сложившуюся в СССР «политическую культуру борьбы за ренту», за обладание общественными благами. Последствия этих характерных черт советской

политической культуры шире того, что отмечено в статье. Во-вторых, наряду с гражданской культурой следует рассматривать и другие факторы спада. В-третьих,- и это самое главное, - **экстраординарные потери возникают не столько из-за низкой гражданской культуры самой по себе, сколько в результате сочетания особенностей гражданской культуры, других начальных условий (определяющих, в частности, потенциал высвобождаемой ренты) и стратегии реформ, не адаптированной к указанным факторам.** Эгоизм правящего слоя, не желающего делиться извлекаемой рентой, может вести к меньшим издержкам, чем романтизм, стремящийся к быстрому достижению общественных целей, но не принимающий во внимание особенностей гражданской культуры. Надо отметить, что в другой своей статье Хиллман анализировал источники ренты, характерные для реформ в переходных экономиках ((Gelb , Hillman , Ursprung (1996)). Соединение результатов обеих работ, видимо, привело бы его к концепции спада, близкой к вышеизложенной. Впрочем, и публикуемая в данном номере работа, несмотря на некоторую односторонность и нарочитую публицистичность содержит глубокие идеи и, без сомнения, будет интересна читателям ЭММ.

Литература

- Аукуционек С.П. (1998). Эмпирика перехода к рынку. Опыт России. М.: Наука.
- Балацкий Е.В.(2002). Функциональные свойства институциональных ловушек. Экономика и математические методы, ??
- Гудков, Л. (2000). Отношение к правовым институтам в России. Мониторинг общественного мнения, т.3 (47), Май-Июнь, 30-38.
- Зоркая Н. (1999). Интерес к политике как форма политического участия. Мониторинг общественного мнения, 4, (42), 12-19.
- Капелюшников, Р.И. (2001). Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. ГУ ВШЭ: Москва, сс.309.
- Клейнер Г.Б. (1999). Экономика России и кризис взаимных ожиданий. Общественные науки и современность, 1999, No.1.

- Константинов Г., Липсиц И., Филонович С. Как выбраться из ловушки молодости? Эксперт, No.8, 25 февраля 2002 г.
- Левада Ю. (2000). Человек лукавый: двоемыслие по- российски. Мониторинг общественного мнения. N.1 (45). М.: ВЦИОМ. 19- 27.
- Левада, Ю. (2001). Механизмы и функции общественного доверия. Мониторинг общественного мнения, т.3 (53), Май-Июнь, 7-11.
- Общественное мнение- 2001. М.: ВЦИОМ, 2001.
- Олсон М.(1998). Возвышение и упадок народов. Новосибирск: ЭКОР, 432 с.
- Ослунд А. (1996). “Рентоориентированное поведение” в российской переходной экономике. Вопросы экономики, N.8.
- Перова И. (2001). Избыточная численность работников на предприятиях промышленности: оценка масштабов и перспективы сокращений. Мониторинг общественного мнения, 5, (55), 12-19.
- Полтерович В.М. (1993).Экономическая реформа 1992: битва правительства с трудовыми коллективами. Экономика и математические методы, т.29, вып.4.
- Полтерович В.М. (1996). Трансформационный спад в России. Экономика и математические методы, т. 32, вып.1, 54-69.
- Полтерович В.М. (1999).Институциональные ловушки и экономические реформы. Экономика и математические методы. Т. 35, вып.2.
- Полтерович В.М. (2001a). Трансплантация экономических институтов. Экономическая наука современной России, 2001, No. 3 .
- Полтерович В. М.(2001b). Перераспределительная активность и трансформационный спад. Сб.: Л.И. Абалкин (ред). Эволюционная экономика: единство и противоречия теории и практики» Международный симпозиум, г. Пущино, 4-6 июня 2000 г. М.: Институт экономики, 2001 г.
- Радаев В.В. (1998) .Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика.М: Центр политических технологий.
- Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост - вашингтонскому консенсусу. Вопросы экономики, вып.8, 1998, 4-34.
- Фридман Л.А. (2001). Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР. Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований: Москва, сс.211.

Хаарленд Х.-П., Х.- И. Ниессен (1999). Барометр трансформаций в Восточной Европе в 1999 г. Мониторинг общественного мнения. N.6 (44). М.: ВЦИОМ, 13-17.

Хиллман. А. Л. На пути к Земле Обетованной (статья в настоящем номере).

Aron, J. (2000). Growth and Institutions: A Review of the Evidence. *The World Bank Research Observer*, v.15, No.1, 99-135.

Blanchard, O. 1997. *The Economics of Post-Communist Transition*. Oxford: Clarendon Press.

Conradt, D. P. Changing German Political Culture. 1989. In: Almond, G. A., and S. Verba (eds.). *The Civic Culture Revisited*. Newbury Park. Sage Publications. 212-272.

Economic Survey of Europe (2001). N.1. Economic Commission for Europe. United Nations.

Gelb A., Hillman A., Ursprung H. Rents and the Transition. Background paper, World Bank Development Report, 1996.

Heybey, B., and P.Murrel. (1999). The Relationship between Economic Growth and the Speed of Liberalization During Transition. *Journal of Policy Reform*, 3(2).

Hillman A.L., Ursprung H.W. (1998). Political Culture, Political Liberalization and Economic Decline. Preprint. Version: December 8.

Kornai J. (1994) . Transformational Recession: the Main Causes. *Journal of Comparative Economics*, v. 19, N.1.

Krueger G., M. Ciolko.(1998). A Note on Initial Conditions and Liberalization during Transition. *Journal of Comparative Economics*, v.26, 718-734.

Magnus, Jan R., Victor M. Polterovich, Dmitri L. Danilov, and Alexei V. Savvateev

(2002). Tolerance to Cheating: A Cross-Country Analysis. *Journal of Economic Education* (in print).

Olson, M., Sarna N., Swamy A. (2000). Governance and Growth: A simple hypothesis explaining cross-country differences in productivity growth. *Public Choice*, v.102, 341-364.

Polterovich V.M. (2001). Rent Seeking, Tax Policy and Economic Growth. New Economic School, Working Paper, 2001/027, 38pp.

Polterovich, V. (2000). Civic Culture and Economic Transition in Russia. The paper presented on the 15-th Annual Congress of the European Economic Association (Bozen- Bolzano, 30-th August - 2-nd September 2000). Manuscript.

Popov, V. (2000). Shock Therapy Versus Gradualism: The End Of The Debate (Explaining The Magnitude Of The Transformational Resession). *Comparative Economic Studies*, XLII, No.1,1-57.

Roland, G. (2000). *Transition and Economics. Politics, Markets, and Firms*. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts.

Shleifer A. (1997). Government in Transition. *European Economic Review*, v.41, 385-410.

Stiglitz J. (1998). Distinguished Lecture on Economics in Government. The Private Uses of Public Interests: Incentives and Institutions. *Journal of Economic Perspectives*, vol.12, No. 2, 3-22.